

АЛЕКСАНДР НОСОВИЧ

ЗАДВОРКИ ЕВРОПЫ

ПОЧЕМУ
УМИРАЕТ
ПРИБАЛТИКА

Каким будет мир

Александр Носович

**Задворки Европы. Почему
умирает Прибалтика**

«Алисторус»

2015

Носович А. А.

Задворки Европы. Почему умирает Прибалтика /
А. А. Носович — «Алисторус», 2015 — (Каким будет мир)

“Была Прибалтика – стала Прое#алтика”, – такой крепкой поговоркой спустя четверть века после распада СССР описывают положение дел в своих странах жители независимых Литвы, Латвии и Эстонии. Регион, который считался самым продвинутым и успешным в Советском Союзе, теперь превратился в двойную периферию. России до Прибалтики больше нет дела – это не мост, который мог бы соединить пространство между Владивостоком и Лиссабоном, а геополитический буфер. В свою очередь и в «большой» Европе от «бедных родственников» не в восторге – к прибалтийским странам относятся как к глухой малонаселенной окраине на восточной границе Евросоюза с сильно запущенными внутренними проблемами и фобиями. Прибалтика – это задворки Европы, экономический пустырь и глубокая периферия европейской истории и политики. И такой она стала спустя десятилетия усиленной евроатлантической интеграции. Когда-то жителям литовской, латвийской и эстонской ССР обещали, что они, «вернувшись» в Европу, будут жить как финны или шведы. Все вышло не так: современная Прибалтика это самый быстро пустеющий регион в мире. Оттуда эмигрировал каждый пятый житель и мечтает уехать абсолютное большинство молодежи. Уровень зарплат по сравнению с аналогичными показателями в Скандинавии – ниже почти в 5 раз. При сегодняшних темпах деградации экономики (а крупнейшие предприятия как, например, Игналинская АЭС в Литве, были закрыты под предлогом «борьбы с проклятым наследием советской оккупации») и сокращения населения (в том числе и политического выдавливания «потомков оккупантов») через несколько десятков лет балтийские страны превратятся в обезлюдившие территории. Жить там незачем, и многие люди уже перестают связывать свое будущее с этими странами. Литва, Латвия и Эстония, которые когда-то считались «балтийскими тиграми», все больше превращаются в «балтийских призраков». Самая популярная прибалтийская шутка: «Последний кто будет улетать, не забудьте выключить свет в аэропорту». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Носович А. А., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Введение. Мифы Прибалтики и мифы о Прибалтике	7
Глава I. Пора валить: эвакуация из зоны социально-экономического бедствия	10
1. Депопуляция Прибалтики: пустырь на окраине ЕС	11
2. Эмиграция в цифрах: сколько уехало из Литвы, Латвии и Эстонии?	14
Литва	14
Латвия	15
Эстония	16
3. Чемоданные настроения: эмиграция как жизненная цель прибалтийской молодежи	18
4. Прибалтостан: где и кем в Европе работают гастарбайтеры из Литвы, Латвии и Эстонии	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Носович

Задворки Европы. Почему умирает Прибалтика

«Pastalās, bet brīvi» («В лаптях, но свободные») – девиз движения за независимость Латвии

© Носович А., 2015

© ООО «Издательство Алгоритм», 2015

* * *

Прибалтика – самый быстро пустеющий регион в мире: за 23 года Литва, Латвия и Эстония потеряли 20 % населения – 1,5 миллиона человек. Такого там не было никогда. Нигде в Европе нет таких масштабов эмиграции населения. Ни по одной стране в мире кризис 2008 года не ударил так сильно, как по Латвии.

Однако в СМИ транслируется другой образ стран Прибалтики – их политические и экономические реформы представляют как «историю успеха». И разрыв между реальной Прибалтикой и ее мифологизированным восприятием стремительно растёт.

Советская заграница и «наш маленький Запад», «идеальная модель» перехода от социализма к рынку, затем «балтийские тигры» – Прибалтика всегда воспринималась как самый прогрессивный, самый передовой и самый европейский регион Советского Союза, а затем и постсоветского пространства. На самом деле там точно так же, как в других постсоветских республиках, у власти сохранились старые партийные и комсомольские кадры, а методы их работы основываются на худших советских практиках. В Прибалтике появились свои политдиссиденты, теперь там судят за споры по историческим вопросам, за несогласие с позицией властей отключают от эфира телеканалы, а старые советские фильмы, показываемые на Новый год, и песни российских исполнителей считают угрозой политическому строю.

Постсоветские Литва, Латвия и Эстония существуют на основе квазирелигиозной системы табу, умолчаний, запретов, сакральных тем. Основа их государственности – этнический национализм, оборачивающийся преследованием национальных меньшинств, прежде всего, русских. В Европе XXI века при таком положении дел сложно говорить о прогрессе и передовом развитии.

Поэтому главная цель данной книги – показать настоящие, а не выдуманные Литву, Латвию и Эстонию. И доказать реальность их проблем. Настоящая Прибалтика – это не история успеха. Это история упадка. Увядания, старения, дряхления и массового исхода трудоспособного населения. Это проявляется во всем: и в том, что оттуда хочет уехать абсолютное большинство молодежи, и в разрушенных предприятиях, и в болезненной актуальности старых обид 70-летней давности. Встав однажды на «Балтийский путь» эти страны оказались в тупике. И объяснение того, как и почему Литва, Латвия и Эстония в своем развитии зашли в этот тупик, что с ними будет дальше, и чем это грозит Европе – еще одна цель, которую преследует автор.

Введение. Мифы Прибалтики и мифы о Прибалтике

Самая прогрессивная, самая утонченная, изысканная, лощеная, европейская – такой была Прибалтика в сознании нескольких поколений советских людей. Советская Скандинавия, «наш маленький Запад» – сколько жителей огромной страны в 70–80-е годы мечтали увидеть Литву, Латвию и Эстонию своими глазами, посмотреть на настоящую Европу, не переходя за ту сторону «железного занавеса»!

Мода на Прибалтику в позднем СССР была бесконечной.

Три прибалтийские республики, наряду с советской массовой культурой, сформировали *modus vivendi* человека эпохи «развитого социализма»: мечту о европейских образе жизни, культуре быта и уровне потребления без отказа от советского проекта.

В советскую Прибалтику ехали, чтобы покупать лучшие в стране продукты и ткани, не простаивая часами в очередях, пить кофе в барах и ресторанах, не выслушивая хамоватых официанток, и гулять по узким улочкам, на которых снимали политические детективы про «загнивающий Запад». Запад, конечно, загнивает, но пахнет хорошо: почувствовать аромат своего собственного доморощенного Запада и приезжали в Прибалтику по 2,5 миллионов человек в год – 12 % от всех советских туристов.

Литовская, Латвийская и Эстонская ССР были на 1/6 части суши пространством свободы. Для всех. Интеллектуалы ездили в Тарту послушать лекции академика Лотмана, молодежь ездила туда же на первый в Союзе регулярный рок-фестиваль. В Риге появилась первая дискотека, в Таллине – жевательная резинка, в Вильнюсе – «шведский стол». «Ну, из нашего достаём разве только прибалтийское»: эта фраза относилась и к проигрывателям для грампластинок, и к духам фирмы «Дзинтарс», и к эстонскому трикотажу.

Советский Союз построил для своих граждан среднего достатка потребительский рай и несколько десятилетий демонстрировал его на узкой полоске вдоль берега Балтийского моря.

О том, что «наш маленький Запад» создан искусственно и за счет остальной страны, имели представление немногие и не говорил вообще никто. За счет остального СССР «три прибалтийских сестры» удовлетворяли все свои потребности в нефти, газе, угле, химической продукции – всё это продавалось им по дотационным ценам, менее чем в половину от реальной стоимости. Сельскохозяйственную продукцию Прибалтика производила тоже на чужие деньги: мелиорация земель осуществлялась целиком за счет союзного бюджета. При этом в Прибалтике было осушено около 80 % всех сельхозугодий, тогда как в целом в СССР – 6,8 %, а в соседних Псковской и Смоленской областях – 2,5–3 %. Фабрики и заводы, пансионаты и санатории, морские порты и даже собственную атомную станцию – всё это Литве, Латвии и Эстонии строил союзный Центр.

Но для советского обывателя, живущего мечтой прогуляться по Юрмале «долгой дорогой в дюнах» или отыскать в Риге ту самую Блюменштрассе из «17 мгновений весны», все это было неинтересно и неважно. Поэтому когда в перестройку Прибалтика первой побежала из СССР, столичная и не только либеральная интеллигенция встретила этот процесс с восторгом – мол, у прибалтов «совка» было меньше всего, будет исторически справедливо, если они первыми и уйдут в Европу. Гибель 13 литовцев и 5 латышей в январе 1991 года вызвала даже больший шок, чем тысячи жертв Нагорного Карабаха: как можно силой удерживать эти европейские небесные создания в «Этой Стране»?! Первой же крови в Прибалтике оказалось достаточно, чтобы Горбачев навсегда отказался от идеи вернуть её силой, а весь мир признал независимость балтийских республик.

В 90-е годы отношение к странам Балтии изменилось. Если в восьмидесятых «маэстро» Раймонд Паулс подарил России лучшие песни Аллы Пугачевой, то в девяностых Латвия и Эстония обогатили русский язык словом «неграждане». Вчерашние поклонники Рижского Дома моды с ужасом узнавали, что в новой, «европейской» Прибалтике разрешена свастика, проходят марши ветеранов СС, советских ветеранов преследуют, а протестующих пенсионеров избивают. Правители «свободной Балтии» тайно и явно поддерживают чеченских боевиков, а отношения с Россией сводятся к требованиям заплатить им за «советскую оккупацию».

Однако сформировавшийся при Брежневе образ «нашего маленького Запада», который теперь стал частью Запада настоящего, большого, оказался живуч. Поэтому для Литвы, Латвии и Эстонии стали искать и находить оправдания. И в войне всё было не так однозначно, и оккупация у них в самом деле была, и русских у них есть основания не любить, и лишение прав они обосновывают, и вообще они же маленькие! Пройдут этап формирования национального государства, переберутся, возместят былые обиды и станут терпимее и добрее.

В результате на базе старого сформировался новый миф: страны Балтии – это образец того, как нужно жестко, радикально и без «достоевщины» переходить к западным институтам, демократии и рынку. Безжалостно рвать со всем советским, включая и людей. С Россией как правопреемницей СССР не церемониться, перегнуть палку с национализмом при создании новой идеологии не бояться. Только так и можно вернуться на украденный советской властью европейский путь развития.

У многих плохо информированных или живущих в своем собственном мире граждан такое представление о Прибалтике существует до сих пор. У большинства же российского населения никакого представления о тех трех странах не осталось вовсе: за минувшие десятилетия Литва, Латвия и Эстония выпали из поля зрения – они давно уже никому не интересны. А для тех, кому хочется «жить как в Европе», теперь открыта для подражания настоящая Европа. Хоть Швеция, хоть Италия, хоть Бельгия, хоть Швейцария. Но где-то на массовом уровне все же присутствует ощущение, что из всех 15 республик бывшего СССР только прибалты и стали «настоящими европейцами».

Это ощущение ложное. «Настоящие европейцы» – это такой же миф, как «балтийские тигры», якобы создавшие суперэффективную рыночную экономику. В реальной Прибалтике сажают за споры по историческим вопросам, за несогласие с позицией властей отключают от эфира телеканалы, а старые советские фильмы, показываемые на Новый год, и песни российских исполнителей считают угрозой политическому строю. Уехать отсюда и никогда не возвращаться мечтает абсолютное большинство местной молодежи, а 20 % населения уже уехали, и этот процесс продолжается.

Ни один регион в Европе не имеет таких темпов запустения и оскудения. Эстонцы, латыши и литовцы – вымирающие народы: у них смертность стабильно превышает рождаемость, а молодое поколение бежит в Западную и Северную Европу. При сохранении нынешних темпов деградации через 40–50 лет Латвия, Эстония и Литва войдут в историческую науку как первые в мире государства-призраки: территория и суверенитет у них будут, а население – нет.

Сегодня Прибалтика заслуженно находится на обочине мировой истории, однако совершенно несправедливо, что ученые всего мира уделяют ей так мало внимания. Ведь это выдающийся объект для исследования: европейский регион, который в XXI веке неуклонно превращается в пустырь. Это в XIX веке в Италии или Ирландии целые города стояли пустыми, потому что жители целыми городами эмигрировали в Америку, сейчас в Европе такое представить невозможно. Но в Латвии и Литве именно это и происходит – города стоят полупустыми, потому что жители эмигрировали. В современной Европе, а не в постколониальной Африке новые правители сознательно и методично уничтожали свою промышленность и сель-

ское хозяйство, называя это «наследием оккупации». В Латвии и Эстонии даже возник собственный апартеид – институт негражданства.

Когда распался СССР, Россия как единственная официальная преемница наследовала и все долги Советского Союза. Страны Балтии, таким образом, вступали в новую жизнь ничем финансово не обремененные. Сейчас государственный долг Литвы больше трети, а Латвии – около половины от их ВВП. Реальное производство там уничтожено, а экономики знаний быть создано уже не может – это к вопросу о «балтийских тиграх». Политическое в Прибалтике деградирует не меньше, чем экономическое: от выборов к выборам националисты приходят к власти на теме «русские идут!». Кроме мифов о Прибалтике, есть мифы и самой Прибалтики, которые придумало и распространяет политическое руководство, как для внутреннего, так и для внешнего употребления. Теорию «советской оккупации», за отрицание которой могут посадить в тюрьму те же люди, что и в годы «оккупации» находились у власти, возглавляли республиканские ЦК или горисполкомы, преподавали в высших школах КПСС. «Русская угроза» – все помыслы Кремля направлены на то, чтобы захватить Литву, Латвию и Эстонию, местные русские – пятая колонна Москвы, а все настоящие патриоты должны быть бдительны, готовы в любой момент дать отпор и т. п. Неудивительно, что при такой социально-психологической атмосфере из Прибалтики уезжают сотни тысяч человек, отказываясь там жить или, во всяком случае, не желая этого своим детям.

Постсоветская Прибалтика – это история упадка, а не успеха. Разобраться в причинах этого упадка очень важно для любого человека, который не хочет, чтобы его страна прошла по «балтийскому пути». Этот путь до сих пор многим кажется привлекательным: европейские институты, безвизовый режим, членство в ЕС, в НАТО... Но на самом деле это путь в балтийский тупик.

Глава I. Пора валить: эвакуация из зоны социально-экономического бедствия

Последний, кто будет улетать, не забудьте выключить свет в аэропорту.

Прибалтийская шутка

Прибалтика – стремительно пустеющий регион. Любые разговоры об эффективности модели развития балтийских стран опровергаются неоспоримым фактом: из этих стран массово уезжают люди. Подобных темпов эмиграции эта часть побережья Балтийского моря еще не видела: население Литвы, Латвии и Эстонии тает на глазах, растекаясь тонким слоем по Евросоюзу. Едва ли можно считать успешными страны, из которых мечтает уехать абсолютное большинство молодежи и уже уехали сотни тысяч человек.

1. Депопуляция Прибалтики: пустырь на окраине ЕС

По данным последней советской переписи населения, в 1989 году в Прибалтике проживало почти 8 миллионов человек. По данным статистических служб Литвы, Латвии и Эстонии, сейчас на той же территории проживает 6,1 миллиона человек.

То есть за последние 25 лет Прибалтика потеряла примерно два миллиона жителей. Население региона сократилось почти на четверть! Это беспрецедентный показатель для современной Европы: в одном из регионов ЕС происходит настоящая демографическая катастрофа – население Литвы, Латвии и Эстонии сокращается в масштабах, которые ставят под сомнение будущее этих стран.

Для внешнего мира трагедия Прибалтики не заметна – ему до нее вообще особого дела нет. Но для самих Литвы, Латвии и Эстонии ситуация от этого не менее драматична: речь идет ни больше, ни меньше, чем о национальной катастрофе. Государства Прибалтики лишаются человеческого капитала: при продолжении нынешних темпов процесса сокращения населения (а этот процесс и не думает останавливаться) у них в долгосрочной перспективе вместо населения останется одна лишь территория.

В мировой истории такие демографические катастрофы в такой короткий срок вызывались войнами, эпидемиями и потерями территорий. Но «три прибалтийские сестры» вышли из СССР практически бескровно, за независимость не воевали, всю территорию сохранили, а из массовых эпидемий в Европе к концу XX века остался только грипп. Тем не менее, по итогам двух десятилетий независимости Литва потеряла миллион жителей – было 3,7 миллионов населения, стало 2,7 миллионов – минус 27 % населения. Численность населения Латвии недавно «преодолела психологически важную отметку»: в 2014 году Центральное статистическое управление признало, что жителей страны уже меньше 2 миллионов человек. На момент провозглашения независимости в Латвии жили 2,7 миллионов человек, значит, поражение в численности составило 26 % населения. Не так драматически, но тоже сократилось население Эстонии: было полтора миллиона жителей, стало 1,3 миллиона – то есть страна потеряла 13 %.

Прибалтика никогда не была плотно заселенным регионом, но и таких темпов сокращения численности там тоже никогда не было. Плотность населения в регионе сейчас составляет 39 человек на квадратный километр – по этому показателю балтийские страны идут во второй сотне государств мира, а в Европе менее заселены только соседи по Балтийскому региону – страны Скандинавии.

Кстати, как раз в Скандинавии в XIX веке население сокращалось со скоростью, сравнимой с прибалтийской, и так же это было связано с эмиграцией и невозможностью нормально жить на родине. Но эту аналогию лучше не развивать – сказанное вовсе не означает, что страны Балтии по итогам своего нынешнего развития станут жить как шведы и норвежцы. Ирландцы, итальянцы, шведы, португальцы и прочие народы уезжали в Америку в условиях и под влиянием демографического бума, охватившего Европу в XIX веке. Латыши, литовцы и эстонцы бегут из своих стран в условиях, когда смертность там стабильно превышает рождаемость, а власти по идейным соображениям не хотят заниматься социальной политикой. В результате происходят вымирание прибалтийских народов и эмиграция, вызываемая в том числе социальной политикой: чужие страны – Великобритания, Ирландия, в отличие от родных, демократически избранных лидеров, сразу по прибытии предоставляют латышу/литовцу «социальный пакет» (подробнее см. Глава VII).

В сухом остатке: на территории 175 тысяч квадратных километров обитает 6,1 миллиона человек, и население продолжает убывать. На юге с Прибалтикой граничит 38-миллионная Польша, на востоке – 142-миллионная Россия, на севере – быстрее всех среди государств Балтийского региона растущая Скандинавия.

По подсчетам латвийского демографа Петериса Звидриныша, по итогам прошлого десятилетия среди стран региона Балтийского моря численность населения выросла только в Скандинавии (и существенно выросла: 8,3 % в Норвегии, 5,4 % в Швеции, 3,5 % в Финляндии), что связано в первую очередь с иммиграцией, во вторую – с особым отношением скандинавских государств к социальной политике. А рекордсменами сокращения населения оказались Латвия и Литва, что связано в первую очередь с эмиграцией, во вторую – с игнорированием балтийскими государствами социальной политики¹.

Когда-то успешный, растущий и развивающийся регион, сейчас Прибалтика превращается в пустырь на окраине Европейского союза, со всех сторон окруженный более успешными соседями.

Эти соседи продолжают развиваться: при всех различиях в развитии Норвегии и Белоруссии, России и Финляндии, Швеции и Польши, эти страны объединяет то, что история в них не остановилась. Можно ли сказать то же самое о Литве, Латвии и Эстонии? Первое впечатление, которое возникает от знакомства с ними, – это ощущение остановившегося времени. От поездок по Латгалии (восточной Латвии) у путешественников возникают ассоциации со взрывом нейтронной бомбы: города, здания, улицы остались, а людей нет. Такие ассоциации неудивительны: в Даугавпилсе жило 130 тысяч человек, сейчас – 90 тысяч, в Резекне – 43 тысячи, сейчас – 32 тысячи. В Лиепаве жило 114 тысяч, теперь – 80, в Екабпилсе, соответственно, 31 и 24 тысячи.

Согласно результатам последней переписи, 21 % жилищ в Латвии пустует.

«Самый русский» город Эстонии – Нарва, в 1989 году насчитывал 81 тысячу жителей, спустя четверть века – 62 тысячи. В «самом эстонском» городе Эстонии – Тарту, четверть века назад жили 114 тысяч человек, теперь – 92 тысячи. В Каунасе, одном из двух важнейших городов литовской истории, жило 423 тысячи, теперь живет 300 тысяч, в Клайпеде было 207 тысяч, стало – 157 тысяч. И речь еще идет об относительно крупных городах, что уж говорить о поселках городского типа и сельской местности – наполовину пустых, депрессивных, начисто лишившихся молодежи? Абсолютное большинство населения там даже не живет, а доживает свой век, ничего нового от жизни не ожидая.

Можно возразить, что описанная картина провинциального упадка типична не только для Прибалтики – еще более депрессивные картины с заброшенными деревнями и полупустыми городами можно увидеть в соседних Псковской и Ленинградской областях России. Это правда, но только в Литве, Латвии и Эстонии деградация распространяется не на условную провинцию, а на всю страну. В странах Балтии нет «точек роста», в которых концентрируется все активное, трудоспособное население, в которые стремятся перебраться из родной глухомани. В Прибалтике глухоманью считают свои страны в целом, и внутренняя миграция там никакой значимости не имеет. Из Псковской области хотят уехать в Санкт-Петербург или Москву – Россия, таким образом, ничего не теряет. Из Прибалтики «валят» в Лондон, Дублин, Норвегию, Финляндию – тем самым Литва, Латвия и Эстония неуклонно теряют человеческий потенциал.

О том, что депопуляция в регионе – недуг общегосударственный, ясно свидетельствует статистика по столицам. Прибалтийские столицы в численности теряют точно так же, как глупышка. Во время провозглашения независимости Эстонии в Таллине жило 482 тысячи человек, сейчас – 395 тысяч. В Вильнюсе за четверть века население снизилось с 583 до 523 тысяч. В 1989 году в Риге проживало 915 тысяч человек, – вместе с пригородами это был город-миллионник. Теперь в столице Латвии живет 700 тысяч человек.

¹ Zvidrins P. Demographic development in Baltic Sea region. URL: http://www.lza.lv/LZA_VestisA/66_5-6/5_Peteris%20Zvidrins.pdf

«В центре Риги, конечно, хорошо: там очень культурно, в ресторанах вкусно кормят, никто не хамит, все спокойно общаются на русском языке, если туристы из России или Украины. Но это туристы – они приезжают и уезжают. А местные сидят по домам, денег у них нет, поэтому еду и обслуживание в ресторанах они оценить не могут. И ощущение застывшей жизни, увядания какого-то, конечно, чувствуется», – рассказывает бывшая жительница Латвии, переехавшая в Калининград, – здесь я постоянно вижу молодых мам и пап с колясками – для Латвии это зрелище непривычное... Я сейчас туда приезжаю, так потом даже фотографии в Facebook специально выкладываю, потому что я в центре города могу находиться в выходной день и видеть на улицах три человека и две машины²».

За минувшие два с половиной десятилетия балтийские государства потеряли самое главное – человеческий потенциал.

За два постсоветских десятилетия их население уменьшилось на столько же, насколько оно увеличилось за четыре десятилетия в составе СССР. К началу Второй мировой войны в независимых Литве, Латвии и Эстонии проживало столько же народу, сколько живет в них сейчас. При всех реально имевших место репрессиях сталинского режима в гипертрофированной форме расписываемых ныне прибалтийскими политиками, по итогам советского периода истории титульные нации Литвы, Латвии и Эстонии были многочисленны как никогда. По итогам двух десятилетий существования провозглашенных во имя их сохранения и процветания национальных государств, литовцы, латыши и эстонцы отказываются жить в своих странах и эмигрируют – происходит неуклонное вымирание титульных наций балтийских стран.

Едва ли можно назвать историей успеха то, что три государства, у которых в момент перехода в «самостоятельное плавание» были все стартовые данные, необходимые для успешного развития, в итоге откатились до показателей первой половины прошлого века по численности населения. «Страны Балтии, часто представляющиеся в западной прессе как смелые экономические реформаторы и образцы "новой Европы", как представляется, самая быстро вымирающая область во всем мире», – пишет экономический обозреватель Forbes Марк Адоманис, – Так что в следующий раз, когда вы слышите, как "Балтией" оправдывают ту или иную консервативную экономическую политику, имейте в виду, что в течение последних двух десятилетий численность их населения рухнула с исторически беспрецедентной скоростью»³.

² Эмигрант: в Калининграде по сравнению с Латвией жизнь просто кипит. URL: <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/pereselenets-v-ka-liningrade-po-sravneniyu-s-latviey-prosto-zhizn-kipitl> 5072013/

³ Adomanis M. The Baltic Demographic Disaster: Since 1992 The Region Has Lost More Than 20 % Of Its Population. URL: <http://www.forbes.com/sites/markadomanis/2013/07/19/the-baltic-demographic-disaster-since-1992-the-region-has-lost-more-than-20-of-its-population/>

2. Эмиграция в цифрах: сколько уехало из Литвы, Латвии и Эстонии?

Главная причина феноменального обезлюдения Прибалтики – повальная эмиграция населения из региона. Из стран Балтии не просто уезжают – из них бегут: этот процесс начался с момента провозглашения независимости и не прекратился до сих пор. Для современной Европы, в которую все больше иммигрируют из Азии и Африки, подобные темпы эмиграции отдают XIX веком и совершенно нетипичны. Прибалтика не только обгоняет Болгарию и Румынию в качестве лидера европейской эмиграции – происходящие там процессы опустения территории находятся за гранью любых тенденций, имеющих место в Европе.

Литва

По официальным данным Департамента статистики Литвы, с 1990 по 2010 год из страны уехало 615 тысяч человек – это пятая часть населения страны. В среднем в год из Литвы эмигрировали по 30 тысяч человек, к середине 2000-х поток эмигрантов было замедлился, однако с началом экономического кризиса 2008 года началась уже массовая эвакуация населения. Согласно тому же Департаменту статистики, в 2011 году из Литвы уехали 54 тысячи человек, в 2012–41 тысяча, в 2013–39 тысяч. Если сложить эти цифры с данными за предыдущие 20 лет, то получится, что за четверть века Литву покинули 750 тысяч человек, и это только официальные цифры – далеко не все уезжающие декларируют свой отъезд из Литвы.

Реальные цифры эмиграции приближаются к миллиону.

Пик эмиграции – он же и пик кризиса: рекордные 84 тысячи жителей эмигрировали из Литовской республики в 2010 году. Тяжелое экономическое положение и отсутствие в Литве рабочих мест называются главными причинами литовской эмиграции во всех международных отчетах, посвященных этой проблеме.

«Большинство эмигрантов покидают Литву после потери работы. Например, 85 % лиц, декларировавших свой отъезд в 2010 году, указали, что до отъезда они были безработными в течение года и более. Этот фактор отталкивания усиливает такой аспект притяжения, как заработная плата в основных странах назначения эмигрантов. Сточки зрения покупательной способности она в два-три раза выше, чем в Литве. С точки зрения современных цен (то есть без учета стоимости проживания в странах назначения) заработная плата может в шесть раз превышать среднюю зарплату в Литве», – говорится в докладе 2011 года Вильнюсского бюро Международной организации по миграции⁴.

В том же докладе отмечается «необходимо учитывать и другие социально-экономические факторы, например, чувство социальной незащищенности, недостаток справедливости, неудовлетворительное отношение работодателей к работникам, лучшие перспективы карьеры за границей». Трагическое состояние социальной сферы в Литве подтверждают и в ЕС. Согласно «Eurostat», в 2013 году 32,5 % населения Литвы жили в риске материальной отчужденности, то есть на грани депривации – психического состояния, вызванного лишением человека средств для удовлетворения необходимых жизненных потребностей. Согласно ему же, 54 % литовцев жалуются на состояние здоровья – это один из худших показателей в Европе.

При таких показателях, да в условиях, когда страна входит в ЕС и границы открыты, неудивительно, что люди массово бегут из Литвы.

«Данные показывают, что высококвалифицированные работники умственного труда высококвалифицированные рабочие составляют почти 40 % эмиграционного потока. Как след-

⁴ Миграция в Литве: факты и цифры. URL: http://www.iom.lt/documents/Migration_profile_RU.pdf

ствие, в некоторых сферах рынка труда уже ощущается дефицит ученых, инженеров, медицинских работников и IT специалистов. Это «утечка мозгов», вызывает все большее беспокойство в Литве" – говорилось в «Обзоре международной миграции» Организации экономического сотрудничества и развития за 2007 год. «Безработица, особенно среди молодежи (35,1 % в 2010 году и 32,9 % в 2011 году) может частично объяснить рост доли эмигрантов в возрасте от 20 до 34 лет с докризисного уровня в 47 % в 2008 году до 56 % в 2011 году. С непропорционально высокой долей эмиграции молодых людей и демографическим дисбалансом связана ожидаемая в будущем нехватка рабочей силы», – сказано в аналогичном докладе ОЭСР за 2013 год⁵.

То есть международные эксперты последовательно диагностировали все эти годы, что из Литвы разъезжаются все возможности для её развития в будущем: научно-технические работники, квалифицированные специалисты, молодежь. Половина литовской эмиграции – люди со средним профессиональным и высшим образованием. Больше половины (52 %) уехавших – женщины. Чаще всего уезжают молодые люди, не успевшие обзавестись семьей, однако устойчивая тенденция последних нескольких лет – эмиграция целыми семьями. Или, как вариант, детей оставляют со старшими родственниками или остающимся родителем с расчетом на то, чтобы через несколько лет, после обустройства на новом месте, все равно их вывезти. Говорить о временном характере трудовой миграции в виду этого становится совсем глупо. Традиционная семья по-литовски – это все чаще дедушка с бабушкой, к которым дети отправляют на лето внуков из Лондона. О том, что дети или внуки, когда вырастут, будут жить в Литве, естественно, и речи не ведется. Будущего у страны, живущей подобным образом, нет.

Латвия

Реальные масштабы эмиграции из Латвии многократно отличаются от цифр Центрального статистического управления, потому что, например, из семи латвийцев, регистрирующих свое прибытие в страну в миграционной службе Ирландии, только один зарегистрирован, как человек, покинувший страну, в миграционной службе Латвии. По подсчетам профессора факультета экономики и управления Михаила Хазана, с 2000 по 2011 год из Латвии уехало 140 тысяч человек, и это не считая тех, кто находится в странах ЕС на полуполюгальной основе – не регистрируясь. Другой профессор Латвийского университета, руководитель аудиторской фирмы BDO Invest Riga Андрис Дениньш в 2012 году утверждал, что всего за годы независимости из Латвии уехало как минимум 450 тысяч жителей, а не 200 тысяч, как утверждает официальная статистика. Результаты переписи населения 2011 года показали, что за границей пребывает 326 тысяч граждан Латвии. Все эти споры о реальных и «нарисованных» цифрах эмиграции ведутся в стране, население которой уже меньше 2 миллионов человек.

Первый пик эмиграции в Латвии пришелся на начало 90-х – из страны побегало русское население, лишённое гражданства и провозглашенное «оккупантами». Не побитый до сих пор рекорд эмиграции был установлен в 1993 году: на следующий год после разделения общества на граждан и «неграждан» из Латвии навсегда уехали 36 тысяч человек. Совсем другая история началась после вступления страны в ЕС. За 10 лет членства в Евросоюзе из Латвии эмигрировали 13 % населения. Пик эмиграции пришелся на мировой экономический кризис, ударивший по Латвии сильнее, чем по кому бы то ни было, и сделавшей её страной-банкротом. По данным Центрального статуправления, в 2010 году республику покинули 11 тысяч человек, в 2011-м – уже 30 тысяч, в 2012-м – 25 тысяч, в 2013-м – 23 тысячи.

Если отток населения будет продолжаться такими же темпами, то к 2030 году из Латвии уедет все трудоспособное население.

⁵ International migration outlook – 2013. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2013_migr_outlook-2013-en#page2

Согласно онлайн-опросу 2012 года, проведенному среди пользователей латышской социальной сети draugiem.lv, большинство уехавших латышей назвали причиной своей эмиграции финансовые проблемы с выплатой ипотечных кредитов – закономерный итог формирования в Латвии экономики «кредитных пузырей», «лопнувшей» во время кризиса 2008 года (подробнее см. Гл. II). «Латвийский «пузырь» на рынке недвижимости привел к тому, что большинство мигрантов – выходцы из рижской агломерации, а не из сельских районов. На фоне низких процентных ставок и высоких зарплат в период экономического подъема многие жители столичного региона брали ипотечные и потребительские кредиты. Поэтому не вызывает удивления, что «кризисные» мигранты в значительной степени представлены бывшими жителями рижской агломерации, – так интерпретируют результаты исследования сотрудники Латвийского университета, Тартусского университета и Университета Отто Фридриха в Бамберге Д. Гёлер, З. Кришье и М. Берзиньш⁶. Впрочем, из сельской местности в Латвии тоже эмигрируют: там не было кредитно-потребительского бума «жирных лет», но и работы также не было, нет и не предвидится.

Однако латвийские власти не обращают на проблему должного внимания. Для них изгнание за кордон населения оказалось своеобразной панацеей: в начале 90-х для устойчивости своего политического курса они говорили местным русским «чемодан, вокзал, Россия», а в конце 2000-х стали решать экономические проблемы за счет выдворения из страны безработных.

По официальным данным, 60 % эмигрантов – молодежь в возрасте до 35 лет. По неофициальным данным этот показатель составляет 75–80 %. За границу уехало минимум 17 % латвийской молодежи – это если принимать на веру правительственные данные. Больше того: около четверти эмигрантов составляют молодые люди от 15 до 24 лет. Так же, как и в Литве, наметилась тенденция эвакуации из Латвии с семьями.

Ни о каком временном отъезде на заработки в таком случае говорить не приходится – люди просто не хотят жить в своей стране. И их трудно за это осуждать: по «коэффициенту Джини» Латвия занимает первое место в Европе по степени имущественного расслоения населения, а по статистике «Eurostat», она же является антилидером ЕС по количеству населения, живущего за чертой бедности. По индексу человеческого развития ООН Латвия занимает последние места в Евросоюзе, наряду с Болгарией и Румынией. Неудивительно, что именно из этих стран идет самый массовый поток внутренней миграции в Западную и Северную Европу. Латвийской республике этот поток в перспективе ближайших десятилетий не оставляет никаких шансов.

Эстония

Для Эстонской республики эмиграция – не такая острая тема, как для Латвии и Литвы, однако и там потеря 130 тысячи человек уехавшими (а это 10 % населения) – нешуточный вызов для 1,3 миллионного государства.

У эстонцев несколько иная география массовой миграции: более половины эмигрантов уезжают оттуда в соседнюю Финляндию. Финны и эстонцы – два родственных друг другу народа финно-угорской группы: их языки соотносятся друг с другом примерно как русский с украинским, а развитие отношений друг с другом является приоритетом обеих стран, поэтому сложностей при трудоустройстве на новом месте у эстонских переселенцев обычно не возникает. При этом зарплаты в Финляндии в 5–6 раз больше, чем в Эстонии, а по уровню ВВП на душу населения Суоми занимает 18-е место в мире, тогда как в Эстонии за чертой бедно-

⁶ Göler D., Krišjāne Z., Bērziņš M. International migration in the periods of transition and crisis: case of Latvia. URL: http://journals.kantiana.ru/eng/baltic_region/1771/5052/

сти находится 17,5 % населения, а расходы на социальную сферу еще недавно находились на последнем месте в Евросоюзе: 12 % государственного бюджета против 27 % в среднем по ЕС.

Поэтому неудивительно, что из Эстонии стремятся уехать в Финляндию, а также в традиционные для Прибалтики Великобританию и Норвегию. Также, как и в Латвии, первая большая волна эмиграции из Эстонии была связана с выдворением из страны русскоязычного населения: Эстонская республика в унисон с Латвийской вводила в начале 90-х годов институт негражданства, законы об иностранцах и основах языковой политики (подробнее см. Глава V). Кроме того, из-за ликвидации советских армейских частей и жесткого давления эстонского общества и новой власти, из страны в экстренном порядке выезжали военные и их семьи. Поэтому первый пик эмиграции из Эстонии был в 1992 году.

Совершенно другая ситуация возникла, когда открылись границы на запад. С момента вступления страны в Европейский союз – ежегодный прирост количества эмигрантов при неизменно отрицательном сальдо миграции. Резкий рост количества уехавших, разумеется, связан с «эвакуацией» трудоспособного населения после кризиса 2008 года. Кризис ударил по Эстонии не так сильно, как по Латвии и Литве, но его результатом точно так же стала ускоренная эмиграция. Если в 2009-м уехало 4,6 тысяч, то в 2010-м – 5,4 тысячи, в 2011-м – 6,2 тысячи, в 2012 – почти 11 тысяч.

«До того, как не появятся официальные цифры, предположу, что человеческие потери Эстонии за последние 20 лет сопоставимы с произошедшим у нас во время Второй мировой войны», – заявил в 2011 году накануне празднования юбилея провозглашения независимости Эстонии мэр Таллина Эдгар Сависаар, – численность населения является мощнейшим индикатором, показывающим жизнеспособность региона. Для Эстонии в целом такой показатель в любом случае является негативными».

Данный показатель является негативным не только для Эстонии, но и для всей Прибалтики – для Латвии и Литвы даже на порядок больше, чем для Эстонии.

В Таллине в большом ходу шутки про эстонских врачей: в республике дефицит медицинских работников, потому что квалифицированные доктора в большинстве своем при первой же возможности уезжают работать в Финляндию. Это характерная черта – «утечка» образованных и востребованных специалистов из стран Балтии. Но местная эмиграция этим определением не исчерпывается: уезжают не только «белые воротнички» – уезжают и бывшие работяги с закрывшихся заводов, и аграрии из «восстановленных» после «советской оккупации» хуторов, и гуманитарии, получившие диплом юриста Латвийского или Тартусского университета, и отправляющиеся с ним разносить пиво в Глазго или Дублине. Прибалтийская эмиграция многолика: эмигрируют и мужчины, и женщины, и горожане, и селяне, и работники умственного труда, и работники физического, и представители титульных наций, и русскоязычное меньшинство, и семейные, и бессемейные, и люди среднего возраста, и молодежь.

Эмиграция стала социальной нормой литовского, латвийского и эстонского обществ, она определяет ритм жизни в балтийских республиках, а её многостороннее влияние стало неотъемлемой частью местного образа жизни.

Поэтому заведомо лицемерны слабые попытки прибалтийских политиков представить эмиграцию из их стран как временное явление вызванное временными же трудностями. «Временное явление» длится все четверть века существования Литвы, Латвии и Эстонии, причем за последние несколько лет оно резко активизировалось. Но главное даже не в масштабах эмиграции. И не в том, что она то увеличивается, то уменьшается, но не останавливается.

Главное в том, что эмиграция из своих стран превратилась в жизненную стратегию молодежи Литвы, Латвии и Эстонии.

Какими бы ни были впечатляющими цифры реальной эмиграции из балтийских стран, но даже они отступают на второй план по сравнению с результатами опросов нового поколения жителей Литвы, Латвии и Эстонии о том, хотят ли они прожить свою жизнь в родных странах.

3. Чемоданные настроения: эмиграция как жизненная цель прибалтийской молодежи

Чем моложе возрастная группа среди опрашиваемых жителей балтийских республик, тем выше в ней процент эмигрантских настроений. Согласно исследованию социологической службы Baltijos tyrimai 2013 года, среди молодежи от 20 до 29 лет уехать из Литвы хотят 40 % молодых людей – вдвое больше среднего показателя по населению. В самой юной возрастной группе (15–19 лет) своего будущего в Литовской республике не видит 56 % респондентов.

Иными словами абсолютное большинство вступающих во взрослую жизнь граждан Литвы со своей страной эту свою взрослую жизнь не связывают.

Слабым утешением для литовских патриотов будет то, что их молодежь в своем настроении «пора валить» не одинока – такое же настроение охватывает и другие балтийские страны. Согласно исследованию министерства культуры Эстонии от 2012 года, каждый второй житель Эстонии готов эмигрировать из страны, а каждый четвертый уже предпринимал для этого практические шаги. Группа – абсолютный лидер по подверженности эмигрантским настроениям была охарактеризована вице-спикером Рийгикогу Лайне Рандъярв как «владеющая эстонским языком, но критически настроенная по отношению к эстонской государственности молодежь». Другими словами, новое поколение эстонских русских – таллинские школьники и студенты из русскоязычных семей, выучившие эстонский язык и интегрированные в эстонское общество, но прожить жизнь в этом обществе не желающие.

Однако стремление «валить» охватывает не только русскоязычную, но и этнически эстонскую молодежь. О том, как это выглядит на практике, в 2013 году написала в своей ставшей скандально знаменитой статье «Эстонская болезнь» корреспондент «Русского репортера» Ольга Андреева.

«В двух лучших гимназиях Таллина – русской и эстонской – я задавала детям одни и те же вопросы. Ответы чаще всего были разные, и только в одном случае они совпали.

- Вы относитесь к Эстонии как к своей родине?
- Ну, в общем, да, – раздаются неуверенные голоса русских школьников.
- Да, – четко отвечают ребята из школы эстонской.
- Вы задумывались о том, что будущее этой страны – это вы?
- Нет, – увереннее отвечают русские дети.
- Да, – твердо отвечают эстонцы.
- Кто собирается уехать из Эстонии после школы?

В русской школе в воздух вздымается лес рук. В эстонской школе в ответ повисает тяжелое молчание. Оказывается, уезжают все.

- Вы вернетесь?
- Нет, – решительно отвечают в русской школе.
- Ну, в любом случае мы будем поддерживать отношения. У нас здесь родители, друзья. Будем помогать, звонить, ну, письма писать... – робко говорит девушка-выпускница из эстонской школы»⁷.

«Я много раз беседовала с молодыми людьми, так что имею представление, к чему они стремятся. Почему они хотят уехать? Да потому, что в Латвии они не видят для себя каких-либо перспектив. К сожалению... Ведь, как известно, от хорошей жизни не убегают», – говорит латвийский социолог Ирина Жемчугова, – Перспектив никаких: молодые люди в один голос

⁷ Андреева О. Эстонская болезнь: почему постсоветские страны так сильно хотят умереть. URL: <http://rusrep.ru/article/2013/01/30/estonia>

говорили мне: ну хорошо, мы отучимся, окончим школу, институт, колледж – не важно, а что потом? Что нас ждет на рынке труда? И сами же отвечали: да ничего хорошего!».

В Латвии ситуация с «чемоданными настроениями» молодого поколения не менее драматична, чем в Литве и Эстонии. Согласно социологическому исследованию 2005 года агентства Latvijas reitingi, проводившемуся среди учеников старших классов, каждый второй школьник, независимо от национальности, – и латыш, и русский, заявлял, что в будущем намерен уехать из Латвии. Согласно аналогичному исследованию Центра Providus, проведенному в 2010 году, эмигрировать планировали 63 % восьмиклассников из русских школ и 39 % восьмиклассников из школ латышских.

Спустя несколько лет после этих резонансных исследований, в 2014 году, Центральное статистическое управление опубликовало официальные данные: 17 % латвийской молодежи эмигрировали за границу в поисках работы – от жизни в Латвии отказался каждый шестой её молодой уроженец.

В этой истории сущность трагедии прибалтийских народов: абсолютное большинство молодых людей не только говорят, что не хотят жить в своей стране – значительная часть из этих молодых людей не ограничивается намерениями, а в самом деле уезжает из страны по достижении совершеннолетия. Хотя данные опросов красноречивы и сами по себе, без корреляции со статистикой эмиграции. Социология намерений – важный индикатор психологического состояния в обществе. Если из Литвы, Латвии и Эстонии стремится уехать абсолютное большинство молодежи этих стран, если в старших классах там модно обсуждать, кто куда уедет по окончании школы, то можно себе представить уровень депрессии, социального пессимизма и массового разочарования в построенных государствах, которыми поражены прибалтийские общества.

Однако для того чтобы массовые «чемоданные настроения» переросли в реальный массовый же отток населения, социальная депрессия и разочарование должны носить хронический характер и вызываться не временными трудностями, а системными проблемами. Эмиграция – это тяжелый и трудный шаг. Между разговорами о том, как хорошо было бы «свалить» куда подальше и реальной сменой страны проживания с отказом от родных мест, усвоенных с детства условий жизни и языка при неизбежном в начале понижении социального статуса на новой родине и порой до конца жизни осознаваемой неполноценностью по сравнению с коренным населением, должна быть большая трагедия. Поэтому если в Прибалтике имеет место даже не отток, а массовый исход населения, то большая трагедия там произошла в государственном масштабе. А если этот исход продолжается все годы независимости, то замедляясь, то ускоряясь, но не останавливаясь, то приходится делать вывод, что эта трагедия состоит в общей несостоятельности построенных в Прибалтике государств.

4. Прибалтостан: где и кем в Европе работают гастарбайтеры из Литвы, Латвии и Эстонии

Современная прибалтийская эмиграция существенно отличается по направлению от предыдущих волн эмиграции из региона. В первой половине прошлого века из Прибалтики эмигрировали остзейские немцы, несколько столетий бывшие доминирующей социальной группой на этих землях. Уезжали они, разумеется, в Германию. Коренные народы в тот же период эмигрировали в Соединенные Штаты, где образовались сыгравшие затем немалую роль при возобновлении государственности американские диаспоры литовцев, латышей и эстонцев. В 70–80-е годы в рамках провозглашенного подхода на воссоединение семей из Прибалтики за «железный занавес» уезжало еврейское население. В 90-е в Россию и другие страны СНГ эмигрировали русскоязычные, не принявшие новых националистических режимов и превращения себя в угнетаемое национальное меньшинство.

После вступления в Европейский союз главные направления эмиграции прибалтов – это Великобритания, Ирландия и Скандинавия. По данным Европейской миграционной сети, в пиковый для стран Балтии в плане оттока населения 2010 год 50 % литовских эмигрантов отправились на заработки в Великобританию, 15 % – в Ирландию, 5,8 % – в Норвегию, 4,6 % – в Германию, 4,3 % – в Испанию. В Латвии для эмигрантов в 2010 году странами назначения были Великобритания (35 %), Норвегия (18 %), Финляндия (15 %), Германия (11 %), Швеция (10 %), Нидерланды (9 %), Дания (9 %). В случае Эстонии место Великобритании занимает Финляндия: как уже было сказано, около половины эстонских эмигрантов переезжают жить к северным соседям. Остальные направления миграции те же, что у Латвии с Литвой.

Британская газета «Daily Mail» привела ошеломляющую статистику восточноевропейской иммиграции в Великобританию. Согласно цифрам, 1,3 % всех проживающих восточноевропейцев на территории Европы, включая страны, откуда они родом – в Великобритании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.